

*М.А. Гулёва**

**Советская дипломатия и китайско-японский
конфликт в изображении «Крокодила»
и *Шидай маньхуа* (1931–1937 гг.)****

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются публикации советского и китайского журналов, «Крокодил» и *Шидай маньхуа*, затрагивавшие китайско-японский конфликт и реакцию СССР на него в 1930-х гг. Сопоставление того, как виделось происходящее в Китае в «Крокодиле», с тем, какую позицию в отношении дипломатических усилий СССР занимал китайский журнал, позволяет оценить не столько двусторонние отношения Советского Союза и Китайской Республики накануне Второй мировой войны, сколько восприятие этих отношений частью китайского общества. На примере рассмотренных публикаций становится ясно, что политика СССР, представлявшаяся миролюбивой в самом Союзе, виделась в Китае не менее опасной, чем политика других мировых держав.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Крокодил», *Шидай маньхуа*, политическая сатира, Советский Союз, Китай, Япония, Маньчжурия, Лига Наций.

Для Китая, как и для всего мира, 1930-е годы оказались чрезвычайно сложным временем. На долю Китая в этот период выпали

* Гулёва Мария Анатольевна, к.и.н., ст. преподаватель, кафедра «Международные отношения» Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета; доцент, кафедра Теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: mangul@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-21-49001а(м) («Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности»).

агрессия Японии сперва в Маньчжурии, а затем на значительных территориях южнее Великой китайской стены, попытки политических, социальных и экономических реформ Национального правительства Китайской Республики, борьба между ним и Компартией Китая и трудности на международной арене. Происходящее на Дальнем Востоке представлялось важным для советского правительства: и действия Японии, и внешняя и внутренняя политика Нанкина, и рост коммунистического движения, и развитие событий в таких регионах как Синьцзян и Монголия, входили в круг интересов СССР. В связи с этим советская пресса публиковала большое количество материалов, касавшихся указанных проблем и позиции СССР по ним. С другой стороны, в Китае за советской деятельностью международной с точки зрения вопросов, следили не менее внимательно, поэтому дипломатия СССР была объектом постоянного интереса китайских газет и журналов. В настоящей статье даётся анализ того, как китайско-японские отношения изображались в «Крокодиле», крупнейшем сатирическом журнале СССР, и как советская внешняя политика описывалась в *Шидай маньхуа* 時代漫畫 (далее «ШМ»), популярном китайском журнале, издававшемся во второй половине 1930-х гг.¹ Выбор сатирических развлекательных изданий в качестве основного источника объясняется тем, что их сообщения с ярко выраженной эмоциональной окраской и упрощённостью образов позволяют проследить оттенки общественных настроений, которые не проникали в официальные новостные материалы.

Журнал «Крокодил» выходил трижды в месяц, выпуски чаще всего содержали по 16 страниц, то есть за рассматриваемый период вышло 252 номера общим объёмом свыше 3000 страниц. Публикаций, касавшихся Китая, за это время насчитывается более 80, заметная часть их (не менее 63) затрагивала именно проблемы китайско-японских отношений. *Шидай маньхуа* издавался в Шанхае ежемесячно с января 1934 до июня 1937 г., всего вышло 39 номеров по несколько десятков страниц каждый, т.е. более 1600 страниц общего объёма (это сопоставимо с объёмом выпусков «Крокодила» за те же месяцы 1934–1937 гг.). Россия и связанные с ней сюжеты появлялись в «ШМ» около 70 раз в различных контекстах, причём по вопросам,

¹ Официальное англоязычное название журнала — «Modern Sketch»; дословный перевод английского и китайского названий может звучать как «Современные зарисовки» или «Карикатуры эпохи». Подробнее о журнале см. [44]. О круге шанхайских карикатуристов и журналистов, входивших в коллектив «ШМ», см. [40].

связанным с советской дипломатической деятельностью, было отмечено почти 30 сообщений.

Сравнивая публикации «Крокодила» и «ШМ», необходимо учитывать, что при определённой жанровой близости журналов (в обоих печатались политические карикатуры, юмористические и сатирические комментарии к злободневным сюжетам внутригосударственной и международной жизни, бытовые зарисовки и развлекательные и познавательные материалы), они издавались в разных условиях. «Крокодил» с 1930-х гг. печатался издательством «Правда» и отражал официальный взгляд на события, тогда как *Шидай маньхуа* был частным коммерческим изданием, редакторы которого должны были балансировать между читательским спросом и государственной цензурой (так, с февраля по июнь 1936 г. выпуск журнала был приостановлен властями)². Нужно принимать во внимание и то, как различались аудитории журналов и связанная с этим презентация материалов: если «Крокодил» издавался для читателей, которые не могли не соглашаться с предлагаемой им точкой зрения, так что их нужно было не убеждать, а «правильно» ориентировать в потоке информации, то «ШМ» должен был бороться за кошельки читателей, и, следовательно, за их симпатии и взгляды. В силу этого публикации «Крокодила» характеризуются большей очевидностью бинарных оппозиций «хороший–плохой» и «наш–чужой», тогда как «ШМ» предлагал более дискуссионные интерпретации рассматриваемых событий. И если «Крокодил», будучи самым массовым «развлекательным» изданием СССР, позволяет изучать методы пропаганды официальной позиции советских властей в «неформальном» стиле изложения, то публикации «ШМ» важны для анализа как отражение мнений не государства, а представителей творческих кругов и их аудитории. С учётом этих различий возможно сопоставление того, как советская пропаганда изображала действия СССР в китайско-японском вопросе, с тем, как воспринимались эти действия частью интеллигенции, журналистов и их читателей в самом Китае.

В первой части статьи приводится обзор публикаций «Крокодила», связанных с ситуацией в Китае в 1930-е гг., во второй части анализируются материалы «ШМ», относящиеся к внешней политике Советского Союза и его роли в судьбе Китая. В конце помещены некоторые из упомянутых в статье карикатур.

² О степени свободы и цензуры в прессе Нанкинского десятилетия (1928–1937 гг.) см., например [45; 49].

Китайско-японский конфликт и позиция СССР по нему в «Крокодиле»

В «Крокодиле» фактически нет непосредственных упоминаний советских внешнеполитических действий, связанных с вторжением Японии в Китай. Несмотря на это, остальные материалы — карикатуры и юморески на тему самой японской агрессии, заметки о реакции Запада и Лиги Наций (ЛН), зарисовки из жизни Маньчжоу-го 滿洲國 и другие сюжеты — можно анализировать с позиции того, что осуждалось, а что одобрялось советской пропагандой. Очевидно, что, осуждая страны Запада за бездействие в вопросе оккупации Маньчжурии, советский журнал намекал на принципиально иную позицию СССР, хотя в реальности конкретные действия дипломатов Советского Союза в 1930-е гг. не были направлены непосредственно на поддержку Китая в борьбе против «империалистических хищников» и, в частности, Японии.

За время с Мукденского инцидента (18 сентября 1931 г.) до начала китайско-японской войны в 1937 г. в журнале появилось порядка 80 сообщений, связанных с международным статусом и внешней политикой Китая. Центральной темой этих сообщений была, естественно, агрессия Японии, а дополнением к ней служили такие сюжеты как внутрикитайские и западные «пособники» Японии, жертвы среди мирного населения и сопротивление китайского народа.

Захватнические намерения Японии в отношении Китая были зафиксированы в «Крокодиле» даже до Мукденского инцидента, в 1929 г.: на карикатуре М. Храпковского «Стервятники» «тело» Китая терзают британский «лев», американский «гриф» и японский «барбос» [36]. С сентября 1931 г. до июня 1932 г., т.е. за десять месяцев с того момента, когда стало известно о маньчжурских событиях, «Крокодил» опубликовал 28 рисунков и заметок, описывавших действия Японии в Китае и международную реакцию на них. После этого интерес к теме несколько снизился (за 1933–1935 гг. по ней было опубликовано менее 20 сообщений), но к 1936 г. нарастание японской активности на Дальнем Востоке вновь привлекло внимание советских карикатуристов. Вероятно, интерес «Крокодила» к японским действиям в Китае в 1936 г. был связан с ростом напряжённости на советско-маньчжурской границе; кроме того, сближение Японии и нацистской Германии и подписание ими Антикоминтерновского пакта давало СССР дополнительные основания для беспокойства. Даже начало полномасштабной войны на территории Китая в июле 1937 г. привлекло меньше внимания советского журнала, чем перипетии 1936 г. (частота упоминаний японско-китайских отношений в журнале отображена на графике 1).

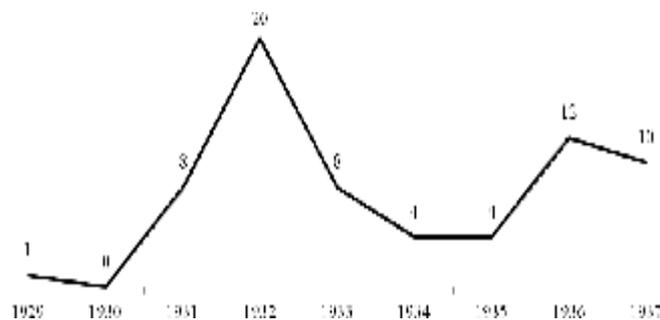

График 1. Китайско-японские отношения (сообщения в «Крокодиле», 1929–1937 гг., шт.)

На протяжении всего этого периода использовался узнаваемый образ японского военного: фигурка с узкими глазами, чаще всего в круглых очках, в армейской форме, нередко в белых перчатках и фуражке с кокардой, в крагах и с мечом. Этот же персонаж изображался и на карикатурах, связанных со столкновениями СССР и Японии второй половины 1930-х гг. [15; 19]. Иконография «японца» сохранялась неизменной для советско-японских и китайско-японских конфликтов, что позволяло представить его «общим врагом» для советского и китайского народов. Кроме того, облик японского «агрессора», ставший с начала 1930-х гг. привычным для советских читателей по китайским сюжетам, давал журналу дополнительный аргумент в доказательстве того, что правда на стороне СССР и в случае с советско-японским столкновением.

«Пособниками» Японии выступали силы как внутри Китая, так и за его пределами. К числу первых относились китайцы, которые перешли на сторону Маньчжоу-го (с бывшим императором, Пу И 溥儀 (1906–1967), в качестве главного объекта насмешек и критики), а также привлёкшие особое внимание «Крокодила» представители русской эмиграции, попеременно называвшиеся в журнале то «белобандитами», то «русской контрой», то «хунхузами». В силу параллелей с отечественной историей, и те, и другие служили чрезвычайно удобным предметом изображения для советских карикатур: Пу И, последний правитель свергнутой династии, превращённый в японскую «марионетку» и изображавшийся советскими художниками совершенно без оглядки на действительный облик толстым и с длинной косой, воплотил в себе стереотип о монархическом строе, а белая эмиграция и вообще была призвана вызывать у советского читателя только ненависть и презрение, и потому её изображения расцветали богатым букетом всевозможных пороков: пьянства, предательства, продажности и пр.

К числу зарубежных «помощников» японской агрессии «Крокодил» отнёс отдельные западные государства (США, Великобританию и, с 1934 г., Германию) и Лигу Наций. Корыстные интересы «дяди Сама» (sic!) и беспомощность «Лиги Махинаций» привели к тому, что вместо практических мер, направленных на прекращение японской экспансии, Запад, по версии «Крокодила», издавал лишь «ноты протеста», пока Япония душила «связанный» Китай (рис. 1 [35], см. также [3; 30]). Важно отметить, что в первую очередь в карикатурах и заметках на эту тему подчёркивалось противостояние именно классов — капиталистов и трудящихся, причём мировой капитализм и империализм, «пьющие кровь» народа, изображались без акцента на национальную принадлежность: в ряде случаев имелись в виду японцы, на некоторых карикатурах изображён европейский буржуа в шляпе-котелке, а отдельные иллюстрации обходились одной только когтистой «лапой» богача, подписывающего кровавый счёт на военные расходы (рис. 2 [17]; см. также [22; 26; 37]). Нужно также отметить, что особенно активно тема западных соглашателей демонстрировалась уже после инцидента у моста Марко Поло (7 июля 1937 г.) как часть «крокодильской» аргументации, что агрессор — отнюдь не одна Япония, а все капиталистические страны.

В этом смысле естественно, что главной силой, с чьего «молчаливого согласия» произошла оккупация Маньчжурии, изображалась Лига Наций. В начале 1930-х гг., когда СССР ещё не входил в состав ЛН, её деятельность описывалась в советской прессе весьма негативно. В телеграмме И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову от 23 сентября 1931 г. присутствует следующая инструкция:

В печати надо вести себя так, чтобы не было сомнений в том, что мы всей душой против [японской] интервенции. Пусть «Правда» ругает всю японских оккупантов, Лигу наций, как орудие войны, а не мира; пакт Келлога, как орудие оправдания оккупации; Америку, как сторонницу дележа Китая. Пусть кричит «Правда» всюду, что империалистические пацифисты Европы, Америки и Азии делят и порабощают Китай. «Известия» должны вести ту же линию, но в умеренном и архисторожном тоне [16, с. 70–71; 32, с. 34–35].

Эта инструкция была в точности выполнена; «Крокодил» как орган ещё более «категоричный» в своих выступлениях, чем «Правда», живописал лицемерное бездействие Лиги в ярких красках. За первые два года японской экспансии (1931–1933 гг.) в журнале было опубликовано 12 иллюстраций и текстов, «ругавших» Лигу за позицию по

маньчжурскому вопросу³. Деятельность комиссии обследования, учреждённой по результатам обращения китайской делегации в ЛН, также не осталась без внимания со стороны «Крокодила». Комиссия, возглавленная британским представителем лордом Литтоном (1876–1947), находилась в Китае весной и летом 1932 г., а в сентябре–октябре того же года представила свой отчёт Лиге Наций⁴. О содержании отчёта никаких подробностей в «Крокодиле» не сообщалось⁵, но само пребывание комиссии в Маньчжурии заслужило несколько саркастических замечаний от журнала: подчёркивалось, что комиссия была под постоянным присмотром японских военных, так что жалоб местные жители передать не смогли, зато белогвардейцы имели свободный доступ к визитёрам [33]. Не упустив возможности в очередной раз подколоть как белоэмигрантов в Китае, так и комиссию Литтона за внимание к ним, журнал поставил под сомнение и всю деятельность комиссии. Доклад Литтона и его коллег в Лиге был холодно принят и Китаем⁶, и Японией, причём делегация последней была единственной проголосовавшей против принятия доклада Комитета Девятнадцати (повторявшего доклад комиссии Литтона с минимальными поправками) и покинула 24 февраля 1933 г. заседание Лиги, на котором проходило это голосование. Этот жест стал символическим началом процесса выхода Японии из ЛН⁷. Насмешли-

³ Когда Советский Союз вступил в Лигу в 1934 г., её роль в японско-китайском противостоянии полностью перестала отмечаться «Крокодилом», и организация не появлялась в этом контексте вплоть до инцидента у моста Марко Поло. После инцидента «Крокодил» вновь обвинил Лигу в бездействии и соглашательстве: на карикатуре Ю. Ганфа «На зарубежном дне» выступающие на пленумах члены Лиги приняли облик попугайчиков, которые «говорят только то, чему их научили немцы, итальянцы и японцы, выбывшие, как известно, из Лиги» [18].

⁴ Текст отчёта на русском языке см. [38], на английском и японском языках см. [47].

⁵ Формат «Крокодила» не подходил для развёрнутой критики доклада, которая велась другими средствами. Одним из самых ярких откликов на собственно доклад можно признать выступление Карла Радека, где «разоблачались» все обмолвки и недомолвки доклада [29].

⁶ Один из текстов, представляющих официальный взгляд Китая на доклад комиссии Литтона и содержащий, несмотря на чрезвычайно осторожные и корректные формулировки, критику ряда соображений и рекомендаций доклада, — это заявление Гу Вэй-цзюня 顧維鈞 (Веллингтон Ку, 1888–1985), китайского делегата в Совете Лиги Наций. См. в частности: [48, р. 34–37].

⁷ Подробнее об этом эпизоде и о выходе Японии из Лиги см., например: [41, р. 171–175].

вая заметка о том, как комиссию Литтона окружали японские шпионы, опубликованная в «Крокодиле» в марте 1933 г. [14], следовательно, запоздало высмеивала уже поверженного противника; провал дипломатических усилий Запада был уже очевиден, и журнал лишь подсказывал своему читателю старую истину: советская дипломатия такого бы не допустила⁸.

В продолжение темы «подельников» Японии необходимо обратиться к не слишком часто появлявшейся в «Крокодиле», но довольно выразительно изображённой теме: идейной и политической близости Японии и нацистской Германии. Впервые журнал намекнул на такую близость в начале 1934 г., хотя существенных поводов для этого ещё оставалось два года). Тем не менее уже тогда в «Крокодиле» появилась ремарка, что Германия признаёт японцев арийской нацией [1]; а в предновогоднем выпуске журнала за 1935 г. был опубликован большой рисунок-диптих «Сказка о спящей красавице», где сопоставлялась нацистская внутренняя политика Германии и агрессивного-грабительская внешняя политика Японии (рис. 3 [24])⁹. За 1930-е гг. «Крокодил» возвращался к теме японского фашизма ещё несколько раз, причём в 1937 г. к Японии и Германии добавилась Италия.

На этом фоне не может не возникнуть вопрос, какими изображались собственно китайцы в «крокодильском» изложении маньчжурских и других событий. Естественным образом, простой народ, мирные жители и трудящиеся оказывались в положении жертвы — журнал дошёл даже до того, что сравнил Китай и Японию с библей-

⁸ Разумеется, о том, что Лига Наций приглашала СССР направить своих представителей для работы в комиссии Литтона, в журнале речи не шло.

⁹ В «немецком» варианте сюжета спящую красавицу-арийку пытается поцеловать юноша не-ариец, которого за это избивают нацисты; в «японском» сценарии спящая красавица — китайская девушка в изящном наряде, на которую любит японский военный, решающий не будить её, а попросту утащить всё её имущество. Надо сказать, что этот рисунок был воспроизведён в журнале *Шидай маньхуа*, как и ещё два рисунка Б. Ефимова из «Крокодила» [50; 51; 52]. Один из них также касался захвата Маньчжурии Японией, а другой был карикатурой на Геринга и его жену. Во всех трёх случаях присутствует ссылка на журнал «Крокодил», хотя то, что это советское издание, уточняется лишь один раз. Цитируя рисунок «Сказка о спящей красавице», «ШМ» не напечатал «немецкую» половину сюжета — наиболее вероятным представляется объяснение, что ввиду ограниченного места на полосе в редакции сочли достаточным привести сюжет, относившийся непосредственно к Китаю и сохранявший свою понятность без опущенного фрагмента. Других цитат из советской печати в «ШМ» обнаружено не было.

скими Авелем и Каином [8]. Однако, хотя сочувствие к населению Маньчжурии и всего Китая высказывалось достаточно недвусмысленно в уже упоминавшихся образах «связанного» страдающего народа [30; 35], на чьей крови наживаются захватчики и капиталисты [17], это не было основной темой карикатур и заметок. «Крокодил» как сатирический журнал использовался не столько для формирования позитивных образов страдающего братского народа, сколько для укрепления образа врага, причём врага, с которым почти никто не сражается. Тема китайского сопротивления японской агрессии, особенно вооружённого и организованного, в журнале не появлялась вплоть до августа 1937 г.

В целом, «крокодильская» интерпретация китайских событий 1930-х гг. так или иначе подводила читателей к основным выводам: действия Японии агрессивны, опасны не только для Китая, но и для Советского Союза, Запад бездействует и даже потакает агрессору, Лига Наций без советского участия занимается прикрытием планов войны, а не поддержанием мира, Китай противостоять оккупантам не способен. Подразумевалось (хотя и не высказалось прямо), что если бы враждебные силы не чинили препятствий, советская политика давно бы вывела всех из тупикового положения. Подтверждается этот вывод и публикацией большого рисованного портрета советского наркома иностранных дел М.М. Литвинова (1876–1951) на титульном листе журнала в 1936 г. В подписи к портрету стояла фраза «Максим Максимович Литвинов — чемпион мира», а фоном служила карта восточного полушария [23]¹⁰. Таков в общих чертах взгляд «Крокодила» на положение дел в китайско-японских отношениях и на позицию советского правительства по этому вопросу.

Внешинополитическая деятельность СССР на страницах Шидай маньхуа

Взгляд *Шидай маньхуа* на советскую дипломатию был несколько иным. Можно условно выделить следующие темы, к которым обращался китайский журнал в связи с внешней политикой СССР:

- советское участие в синьцзянском вопросе и, шире, территориальные амбиции Союза;
- отношения СССР со странами Запада, с Японией, а также с Лигой Наций;

¹⁰ Нельзя оставить без внимания, что на этой карте Маньчжурия была выделена тем же цветом, что и Китай, и всё же отделена от него границей — в этом проявилось нежелание Советского Союза признавать независимость Маньчжоу-го при одновременном опасении спровоцировать Японию, настаивавшую на таком признании.

- военные приготовления и программы разоружения;
- наконец, идеология Советского Союза и её соотношение с фашизмом и нацизмом.

В выпусках *Шидай маньхуа* было отмечено не менее 27 публикаций, которые сюжетно связаны с одной или несколькими перечисленными темами. В некоторых случаях СССР упомянут лишь косвенно, но в целом ряде сообщений речь шла именно о внешнеполитических устремлениях Союза. Больше всего журнал интересовался отношениями СССР с другими державами, чуть меньше — его ролью в деле разоружения, которое оказывалось в глазах «ШМ» военными приготовлениями; значительна также доля отсылок к идеологическим установкам Союза в контексте близости социализма к фашизму/нацизму или угрозы противостояния между ними. Реже всего встречались материалы, связанные с территориальными притязаниями СССР, но их появление нельзя проигнорировать (количественное соотношение этих тем см. на графике 2).

Как и «Крокодил», *Шидай маньхуа* ориентировался прежде всего на внутреннюю аудиторию, поэтому красной линией через большинство публикаций «ШМ» (не только связанных с СССР, но и всех вообще) проходили размышления о судьбе Китая, причинах его слабости, о выборе пути. В их свете сообщения о советской дипломатической деятельности выступали в роли позитивных и негативных примеров для Китая, а также в качестве предупреждений о том, откуда исходит угроза — с запада, востока или севера.

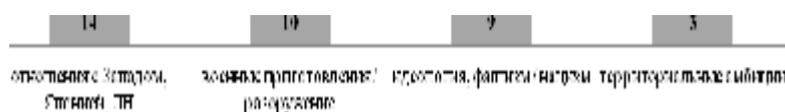

График 2. Количество публикаций «ШМ» о Советском Союзе по темам (1934–1937 гг.)

В освещении непосредственно китайско-советских отношений «ШМ» оказался немногословен; было отмечено лишь три сообщения по этой теме (впрочем, «Крокодил» за период 1931–1937 гг. не опубликовал о двусторонних отношениях ничего¹¹): это две краткие заметки, касавшиеся подписания губернатором Синьцзяна Цзинь Шу-жэнем 金樹仁 (1879–1941) самостоятельного торгового соглаше-

¹¹ «Крокодил» не сообщил читателям даже о восстановлении дипломатических отношений между Китайской Республикой и Советским Союзом в декабре 1932 г., что, вероятно, объясняется противоречивостью всей предшествовавшей истории двусторонних контактов и непрочностью восстановленных связей.

ния между Синьцзяном и СССР без ведома нанкинского Национального правительства [53; 62]¹², и один рисунок, изображавший в аллегорической форме отчуждение Монголии Советским Союзом и Маньчжурии Японией (рис. 4 [68]). Попытки СССР наладить отношения с Синьцзяном в обход центрального правительства и роль советской России в становлении Монгольской Народной Республики вызывали естественное негодование в Китае, так что отклик «ШМ» в целом можно признать весьма сдержанным и осторожным.

Другая тема, возникавшая в «ШМ» гораздо чаще — это отношения СССР с державами (в основном речь шла о США, Великобритании, Японии). Сюжеты из этой области служили пищей для размышлений о будущем Китая в той же степени, что и китайско-советские контакты. Один из самых ярких примеров такого рода — карикатура Хуан Вэнь-нуна 黃文農 с подписью:

乘氣球的，歡喜冤家。Те, что в шаре, — любовники, которые часто ссорятся. («бранятся — только тешатся». — *Ред.*)

駕飛機的，竊窺行動。Тот, что управляет самолётом, — шпионит. («украдкой подглядывает». — *Ред.*)

放風箏的，迎其風送。Тот, что запускает воздушного змея, — ловит ветер. (рис. 5 [65])

«Любовники» в воздушном шаре — это американский джентльмен и японская дама (для убедительности к стропу прикреплены флаги соответствующих государств); девиз их «любви» выведен на баллоне шара, это «понимание» (*лянцзе* 諒解). Ревнивый наблюдатель в самолёте — фигура, которую можно предположительно идентифицировать как карикатурного Сталина, хотя нельзя отвергнуть и версию, что это шарж на обобщённого коммуниста (судя по красному цвету одежды и характерной фуражке); вне зависимости от трактовки этого персонажа, самолёт недвусмысленно помечен серпом, молотом и пятиконечной звездой, которые могли относиться исключительно к СССР. В то время как в небесах кружит этот «любовный треугольник», главная деталь рисунка расположена внизу: крошечный по сравнению с верхними фигурами человечек бежит по земле, запуская воздушного змея, на котором написано «Новая жизнь» (*синь шэнхо* 新生活). Будучи очевидной сатирой на тему малоуспешного движения «За новую жизнь», пропагандировавшегося в Китае правящей партией Гоминьдан 國民黨¹³, этот рисунок отражал также и ощущение беспомощности и страха перед международными играми, затеваемыми корыстными, обманчиво-миролюбивыми и технически оснащёнными мировы-

¹² Упомянутое соглашение было заключено 1 октября 1931 г. О Цзинь Шу-жэне см., например: [43].

¹³ О движении см., например: [42; 46, p. 108–109; 55].

ми державами. Это же настроение передавали и другие рисунки «ШМ», где Советский Союз вновь оказывался среди государств, борющихся за территории и ресурсы. Такова «шахматная доска» со сценариями сражений между Германией и Италией, Советским Союзом и Японией, Японией и США, а также сценарием «великого спокойствия в Поднебесной» (*тайпин тянься* 太平天下), который возможен, по версии художника, только при полном отсутствии людей [61]¹⁴.

Эти темы — опасности, исходящей от Советского Союза, и обречённости мира вообще — раскрывались не только в сюжетах китайско-советских отношений и отношений СССР с мировыми державами, но и в диспуте о разоружении, который активно вёлся в Лиге Наций и в специально созданных комитетах. Надо сказать, что в Советском Союзе существовал (и в 1930-е гг., и позже) устойчивый взгляд на собственную роль в борьбе за всеобщее разоружение. Так, даже несколькими десятилетиями позже отечественный автор писал: «Советский Союз продолжал последовательно защищать дело мира», тогда как предложения «капиталистических держав являлись образцом того, как надо, говоря о разоружении, не разоружаться» [28, с. 41]. Это демонстрировал и «Крокодил», публикуя уже упоминавшийся выше портрет советского наркома иностранных дел и представителя в Женеве М.М. Литвинова как «чемпиона мира» [23]. *Шидай маньхуа* предлагал совершенно другую точку зрения. Как минимум в десяти случаях Советский Союз появлялся на карикатурах и в заметках, основным посланием которых было предостережение о всемирном наращивании вооружений. Пользуясь метафорами христианского толка, «ШМ» изображал ангела-«Мир», летящего на кинжалы скелета-«Войны» с флагами крупнейших стран планеты, и флаг СССР не был исключением (рис. 6 [66])¹⁵. Так же вместе со всеми СССР «сбежал» с заседания комитета по разоружению, чтобы присоединиться к «военным приготовлениям» [54]. Присутствие советского воина можно заподозрить и в ряду военных с разнообразными орудиями

¹⁴ В одной из самых активно использовавшихся в Китае второй половины XIX в. общественно-политических концепций, «*тайпин тянься*», Поднебесная-*тянься* может интерпретироваться либо как весь мир, «всё под небом», либо именно как «Китай» (см. [21]), и за счёт этой двойственности иллюстрацию можно трактовать и как разочарование в возможностях международных попыток предотвратить новую мировую войну, и как видение трагической судьбы Китая, мир для которого недостижим.

¹⁵ Едва ли случайно, что на рисунке «война» подписана по-английски, а «мир» — по-китайски: в этом можно прочесть намёк на то, что источником опасности является сообщество западных стран, тогда как мир и стабильность связываются с Китаем.

на рисунке «На голову выше остальных», причём основным посланием рисунка оказывается высмеивание стоящего среди солдат и моряков китайца в традиционном одеянии и с табличкой «ритуал» (*ли* 禮儀) вместо оружия [60]. И если в этом рисунке присутствие Советского Союза угадывается, но может быть оспорено в силу отсутствия словесного упоминания, то в случае с близкой по сюжету заметкой в более позднем выпуске «ШМ» СССР назван совершенно недвусмысленно. Там сказано: «военных самолётов у США 2200, у Германии — 3000, у Италии — 3200, у СССР — 3600, у Англии — 4000, и только у Китая воздушных змеев — 10000, он занимает ведущие позиции в мире» [69]. Очередное обращение к образу «воздушного змея» как чего-то бесполезного, эфемерного и мечтательского было призвано продемонстрировать неэффективность правительственных мер по усилению Китая; ярким контрастом им служило наращивание вооружений в ведущих странах мира. На этом фоне очевидно, что советские выступления о всеобщем безусловном разоружении воспринимались в *Шидай маньхуа* с полнейшим недоверием, причём мировые тенденции по увеличению войск и их перевооружению расценивались как прямая угроза безопасности и независимости самого Китая, слабого и неспособного защищать себя.

Логическим продолжением этой темы явилась реакция журнала на вступление СССР в Лигу Наций. Если в советском официозе это изображалось как продолжение «испытанной политики борьбы за мир», проводимой Советским Союзом [13; см. также: 2; 4; 5; 6; 9; 10; 11; 12], то в «ШМ» принятие СССР в Лигу было показано в виде «обмена» китайца с «400-миллионным имуществом» на советского «джентльмена» со «160-миллионным имуществом» (рис. 7 [63]). Можно предположить, что под «имуществом» здесь подразумевалось население¹⁶ и что такого рода статистический парадокс решения Лиги Наций в вопросе о принятии СССР, которое к тому же состоялось точно в третью годовщину Мукденского инцидента, 18 сентября 1934 г., вызывал у китайского журнала новые опасения за безопасность и международный статус Китая. Надо заметить, что 17 сентября, накануне принятия СССР в ЛН и в число постоянных членов её Совета, Китаю было отказано в просьбе о продлении его полномочий в Совете в качестве непостоянного члена [7]. Все эти обстоятельства, естественно, не могли не вызвать отрицательной реакции в Китае.

¹⁶ По данным переписи 1937 г., в СССР проживало 162 миллиона человек (см. [27, с. 9]). Для Китая число 400 миллионов также выглядит близким к действительности; например, см. [25, с. 726].

Деятельность СССР в Лиге, в сущности, вовсе не получила освещения в «ШМ». Помимо описанной в предыдущем абзаце зарисовки, журнал ограничился лишь переводом иллюстрированных анекдотов из французской газеты «L'Intransigeant», по-китайски озаглавленных «Литвинов глазами карикатуриста» [67]¹⁷. Однако на содержании этой-то обширной «цитаты» и стоит задержаться. Первый анекдот, оформленный в лучших традициях европейской политической сатиры в виде басни о животных, расписывал усилия «русского медведя» по проведению резолюции о «безусловном решительном отказе от вооружений в масштабах планеты»¹⁸. В завершение басни с «медведя» снималась маска: журнал недвусмысленно сообщал, что «главная роль в этом спектакле исполняется Литвиновым из СССР». Далее *Шидай маньхуа* (следом за «L'Intransigeant») приводил с саркастическими комментариями сведения из биографии М.М. Литвинова и повествовал о его деятельности в комитете по разоружению, в Лиге Наций и в рамках других женеvских совещаний. Иллюстрации изображали Литвинова в образе «ангела мира», хотя и с противоголом на боку, а также в виде одного из пишущих письмо с просьбой Советского Союза о включении в ЛН — этот рисунок пародировал полотно И.Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (рис. 8)¹⁹. Обращает на себя внимание

¹⁷ Чжан Жо-гу 張若谷 (1905–1967), указанный в «ШМ» как автор, переложил текст на китайский, тогда как оригинальный французский текст принадлежал перу Эмери Келена, чьи работы цитировались и в «Крокодиле» (на китайскую тематику см., например: [20]).

¹⁸ Любопытно отметить, что это единственный раз, когда «ШМ» воспользовался распространённым к этому времени в европейской карикатуре штампом «русский медведь». Об истории этого образа см. [31].

¹⁹ Здесь уместно напомнить, что СССР прилагал все усилия к тому, чтобы представить своё вступление в Лигу Наций как ответ на многочисленные приглашения и просьбы Лиги, и активно добивался (в том числе и через деятельность Литвинова) возможно более универсальной поддержки при голосовании по этому вопросу в Лиге. Подробнее см.: [34, с. 524–562]. Несмотря на эти усилия советской дипломатии, французская газета, а за ней и *Шидай маньхуа* не преминули подчеркнуть, что именно СССР обратился к Лиге, а не наоборот. Одновременно необходимо иметь в виду и специфику пародируемого полотна, которая добавляет ситуации двусмысленность. При этом если в случае с «L'Intransigeant» можно предполагать, что сюжет первоначальной репинской картины и «любезность» составляемого запорожцами послания были хотя бы в общих чертах знакомы французскому зрителю, то едва ли можно сказать то же об аудитории китайского журнала. Тем не менее общая атмосфера рисунка такова, что даже незнакомый с творчеством

тот факт, что во всей заметке нигде не шло речи непосредственно о Китае, и всё же редакция *Шидай маньхуа* сочла возможным отвести целую полосу под этот материал — Литвинов оказался достаточно значительной фигурой для «ШМ». Однако в противоположность советской характеристике «чемпиона мира» китайская заметка, переведённая с французского, назвала его «страшным человеком» (*кэна жэньу* 可怕人物), «заражённым советскими злодеяниями» (*жанью Сувэйай цзуйэ дэ жэньу* 染有蘇維埃罪惡的人物). Через полтора года «ШМ» во второй раз обратился к фигуре советского наркома иностранных дел, на сей раз чтобы процитировать его высказывание «бойцы советской Красной армии — самые мирные люди на земле» [59]. Цитата была приведена без единого комментария (впрочем, как и другие цитаты в том же разделе), что лишь подчёркивало её саркастический характер. В глазах «ШМ» Литвинов и проводившаяся им внешняя политика СССР никак не могли претендовать на тот образ, который рисовался советским «Крокодилом».

В этой обстановке, среди стран, готовых начать и уже начавших войну, Китай должен был определять свой путь. В 1930-е гг. двумя полюсами выбора оказывались социализм и фашизм, что и отразилось в *Шидай маньхуа*, особенно в выпусках 1936–1937 гг.

Социализм и фашизм оказывались в журнале либо своего рода соратниками, работающими бок о бок, либо оппонентами, борющимися за мировое господство. Первый вариант нашёл воплощение в материалах, касавшихся Гражданской войны в Испании и более универсальной темы «защиты мира». В сюжете, посвящённом Гражданской войне, легко узнаваемые Сталин и Гитлер в облике древнеримских божеств наблюдают за боем испанского быка и тореадора, равнодушно обсуждая шансы того и другого на победу (рис. 9 [56]), а «защитой мира» занимаются уже не только они вдвоём, но и итальянец (иконографически похожий на Муссолини) и японец (возможно, напоминающий тогдашнего премьер-министра Японии Хирота Коки 廣田弘毅, рис. 10 [56]). При этом противоположное амплуа возникло буквально через два месяца: в серии рисунков с животными китайского зодиакального цикла «бык», вероятно, вновь символизирующий Испанию, с рогами в виде свастики и ликторского пучка уже активно нападали на серп и молот, лежавшие перед ним [58], а к лету 1937 г. символы советского влияния были «демонтированы» и сменены свастикой и фасциями в фотоколлаже всё на ту же тему испанской Гражданской войны (рис. 11 [57]). Обращая

И.Е. Репина человек должен был заподозрить лицемерие участников процесса (среди них, кроме Литвинова, И.В. Сталин и К. Радек).

внимание зрителя на победу Франко и замену атрибутов социализма на знаки фашистского режима, художник сфокусировал рисунок на фигуре ребёнка, играющего среди снарядов и черепов, — в этом усматривается рассуждение о том, что и та и другая идеологии начинают войну и смерть. Та же тема опасного и неизбежного выбора между двумя течениями ярко отражена в серии карикатур Хуан Байбо 黃白波 «Левое и правое» (рис. 12, 13 [64]). На одном из рисунков фигурирует Конфуций, на плечах которого расположились меньшие по размеру человечки, тянущие его в противоположные стороны: портретное сходство этих «наушников» с Гитлером и Сталиным едва ли может вызвать споры. Подпись к рисунку составлена из цитат из *Лунь-юя* 論語 и *Мэн-цзы* 孟子 и гласит: «Своевременность! Своевременность! Мудрость Конфуция — в [понимании] своевременности»²⁰ (*ши цзай ши цзай*, *Кун-цзы шэн чжи ши чжэ е* 時哉時哉, 孔子聖之時者也) — тем самым показывалось, что Китай, живущий старыми идеалами, должен двигаться и делать выбор, причём это выбор между двух зол, между моделями Германии и Советского Союза. Суровость часа подчёркивалась соседним рисунком, на котором была изображена планета, поделённая на две половины наподобие чертежа Великого предела-тайцзи 太極, где вместо обычных точек появились свастика и серп с молотом как символы гегемонических устремлений нацизма и социализма.

Заключение

При сравнении корпуса выявленных материалов «Крокодила» и *Шидай маньхуа* можно отметить ряд принципиальных различий между взглядами на советскую дипломатию, отражёнными в этих журналах. Говоря о японской агрессии в Китае, «Крокодил» всеми силами показывал, что СССР стремился к поддержанию мира и оказанию отпора захватчикам и что советские дипломаты прилагали соответствующие усилия на международной арене. Однако изображение этих дипломатов и, в первую очередь, М.М. Литвинова в китайском журнале было негативным и ни о какой положительной роли СССР в Лиге Наций или других организациях речи не шло. Больше того, там, где «Крокодил» ставил в один ряд германский фашизм и Японию, *Шидай маньхуа* не упускал возможности присоединить к ним и сам Советский Союз. Очевидно, это объясняется тем, что СССР видел угрозу в Японии и в Германии, сходных по своим идеологическим ориентирам, тогда как для Китая и Японии, и СССР представлялись опасными соседями, лелеявшими планы по захвату китайских территорий, а

²⁰ «Каждому времени присуще собственное понимание совершенной мудрости Конфуция» (Ред.).

европейский фашизм в принципе рассматривался как источник мировой нестабильности. Это усугублялось и тем, что поляризация мира по линии социализм–фашизм ставила Китай на грань между двумя моделями. Собственная слабость, постоянно отмечавшаяся в материалах *Шидай маньхуа*, вызывала тревогу и желание укрепить обороноспособность страны. При этом, когда речь шла о прямой конфронтации Японии и Китая, и в «Крокодиле», и в «ШМ» сопротивление японскому агрессору изображалось слабым, но по разным причинам: если перед «Крокодилом» стояла задача представлять своим читателям Советский Союз как единственный оплот мира и справедливости, окружённый врагами и вынужденный защищать не только себя, но и всех трудящихся земного шара, то «ШМ» в заметках и рисунках, демонстрирующих слабость китайской обороны, подспудно критиковал власти за бездействие.

Опасения шанхайских журналистов за целостность китайской территории отразились не только в публикациях «ШМ» о международной обстановке, но и в сюжете, полностью выпавшем из поля зрения «Крокодила» — синьцзянском вопросе и советской роли в нём; оставшись лишь небольшим эпизодом и в дипломатической жизни СССР и Китайской Республики, и в журнальных публикациях, этот вопрос всё же способствовал формированию негативного образа СССР в «ШМ».

Примечательно различное отношение журналов к русским эмигрантам в Китае: если «Крокодил» включал их в число «пособников» японской агрессии, то в «ШМ» белое движение ни разу не фигурировало в связи с китайско-японским конфликтом. Для советского журнала те, против кого велась война десятилетней давности, были важным элементом образа «врагов», а изображение их как участников японской агрессии служило косвенным подтверждением легитимности всего советского государства. Напротив, китайский журнал, хотя и обращался неоднократно к теме белоэмигрантов в зарисовках повседневной жизни, не видел в них угрозы и не расценивал их как сколь угодно влиятельную силу в событиях на северо-востоке страны.

И «Крокодил», и *Шидай маньхуа* постоянно показывали в своих публикациях основные проблемы времени: предчувствие войны, японскую агрессию и неспособность держав отказаться от вооружений, а также слабость Лиги Наций. В обоих журналах упоминались такие важнейшие для формирования советской внешней политики личности, как Сталин, Литвинов и Радек. Но, как можно заметить, оценки всего происходившего у журналов были разными, если не сказать противоположными. Вопреки мнению китайского исследователя Ян Чжэна о том, что «каждый успех СССР во внешней полити-

ке был тепло встречен и высоко оценён в китайской прессе начала 1930-х гг.» [39, с. 51], журнал *Шидай маньхуа* предлагал в целом негативную картину советской дипломатии. Такой настрой «ШМ» нельзя списать на некий злонамеренный «антисоветизм»; скорее, его можно признать отражением взглядов определённой части китайского общества на роль Советского Союза в международных делах и в судьбе Китая. Очевидно, что это лишь одна из точек зрения, существовавших в Китайской Республике в годы Нанкинского десятилетия, и определение числа её сторонников выходит за рамки статьи, однако судя по популярности журнала, часть общества, которая придерживалась этой точки зрения, нельзя считать маргинальной.

Литература

1. Б. а. Б. н. // Крокодил. 1934. № 2. С. 8.
2. Б. а. Вступление СССР в Лигу наций // Правда. 19.09.1934. № 259 (6145). С. 1.
3. Б. а. Лига Махинаций // Крокодил. 1931. № 26. С. 3.
4. Б. а. Лига наций и СССР // Известия. 17.09.1934. № 219 (5467). С. 1.
5. Б. а. Лига наций и СССР // Известия. 18.09.1934. № 220 (5468). С. 1
6. Б. а. Мировая печать приветствует приглашение СССР в Лигу наций // Правда. 18.09.1934. № 258 (6144). С. 5.
7. Б. а. Пленум Лиги наций // Известия. 18.09.1934. № 220 (5468). С. 1.
8. Б. а. Показательные братья // Крокодил. 1934. № 6. С. 11.
9. Б. а. Речь тов. М.М. Литвинова // Известия. 20.09.1934. № 221 (5469). С. 1, 2.
10. Б. а. Речь тов. М.М. Литвинова // Правда. 19.09.1934. № 259 (6145). С. 1, 5.
11. Б. а. Советский Союз и Лига наций // Правда. 18.09.1934. № 258 (6144). С. 1.
12. Б. а. СССР в борьбе за мир // Известия. 20.09.1934. № 221 (5469). С. 1.
13. Б. а. СССР продолжает борьбу за мир // Правда. 17.09.1934. № 257 (6143). С. 1.
14. Б. а. Чистоплотный слуга // Крокодил. 1933. № 8. С. 2.
15. *Бродаты Л.* Хоть видит око, да зуб неймёт // Крокодил. 1937. № 14. С. 16.
16. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. IV: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937: в 2 ч. Ч. 1 / Ред. кол.: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М.: РОССПЭН, 2003.
17. *Ганф Ю.* На Дальнем Востоке // Крокодил. 1932. № 7. С. 12.
18. *Ганф Ю.* На зарубежном дне // Крокодил. 1937. № 29–30. С. 10–11.
19. *Ганф Ю.* Очередной докладчик // Крокодил. 1936. № 12. С. 4.
20. *Дерсо [А.], Келен [Э.]* Единогласно при одном воздержавшемся // Крокодил. 1932. № 13. С. 4.

21. *Дмитриев С.В.* Поднебесная // Синология.Ру (эл. доступ). URL: <http://www.synologia.ru/a/Поднебесная>
22. *Елисеев К.* Империализм в действии // Крокодил. 1932. № 10. С. 6.
23. *Ефимов Б.* Максим Максимович Литвинов — чемпион мира // Крокодил. 1936. № 19. С. 1.
24. *Ефимов Б.* Сказка о спящей красавице. Немецкий вариант, японский вариант // Крокодил. 1935. № 35–36. С. 3.
25. История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / Отв. ред. *Н.Л. Мамаева*. М.: Наука, 2013.
26. *Клинич Б.* Счёт китайскому народу // Крокодил. 1932. № 11. С. 12.
27. *Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселёв И.Н.* Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 3–25. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/810/785/1219/3-25.pdf>
28. *Протопопов А.С.* СССР, Лига Наций и ООН. М.: Мысль, 1968.
29. *Радек К.* Доклад комиссии Литтона. М.: Партиздат, 1932.
30. *Ротов К.* Проект юбилейного плаката // Крокодил. 1936. № 28. С. 3.
31. «Русский медведь»: История, семиотика, политика / Под ред. *О.В. Рябова, А. де Лазари*. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
32. Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. *С.Л. Тихвинский*. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
33. *Рыклин Г.* Харбинские чудеса // Крокодил. 1932. № 18. С. 2.
34. *Хормач И.А.* Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011.
35. *Храповковский М.* На японском театре войны // Крокодил. 1931. № 31. С. 4.
36. *Храповковский М.* Стервятники // Крокодил. 1929. № 28. С. 6–7.
37. *Черемных М.* У берегов Шанхая // Крокодил. 1932. № 6. С. 1.
38. Экономические конференции и соглашения. Международные долги. Разоружение. Доклад комиссии Литтона по Маньчжурскому вопросу. Вып. V / Под ред. [*К. В.*] *Антонова*. М.: НКВД, 1933.
39. *Ян Чжэн.* Советский дискурс в китайской прессе начала 1930-х гг. // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 48–54.
40. *Bevan P.* A modern miscellany: Shanghai cartoon artists, Shao Xunmei's circle and the travels of Jack Chen, 1926–1938. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2016.
41. *Burkman Th.W.* Japan and the League of Nations. Empire and World Order, 1914–1938. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2008.
42. *Chiang Kai-shek, Madame [Song Meiling].* The New Life Movement // China since 1919 – revolution and reform. A sourcebook / Selection and ed. by *A. Lawrence*. L., N.Y.: Routledge, 2004. P. 61–62.
43. *Chin Shu-jen* // Biographical dictionary of Republican China. Vol. 1: Ai-Ch'ü / Ed. by *Howard L. Boorman, Richard C. Howard* (ass. ed.). N.Y.: Columbia University Press, 1967. P. 381–382.

44. *Crespi J.A.* China's Modern Sketch-1: The Golden Era of Cartoon Art, 1934-1937 // MIT Visualizing Cultures [online database], 2011. URL: http://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/modern_sketch
45. *Narramore T.* Illusions of autonomy? Journalism, commerce and the state in Republican China // Power and identity in the Chinese world order. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2003. P. 177-200.
46. *Taylor J.* The Generalissimo. Chiang Kai-shek and the struggle for modern China. Cambridge (Mass.), L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009.
47. The report of the commission of enquiry into the Sino-Japanese dispute. Tokyo: Chuo-Koron, 1933.
48. Views of the Chinese government on the Lytton Report. Statement by Dr. V.K. Wellington Koo, China's representative on the Council of the League of Nations // Information Bulletin (Publ. by the Intelligence & Publicity Dept., Waichiaopu, Nanking). 1933. No. 3 (April 30).
49. *Wakeman F.Jr.* Licensing leisure: the Chinese Nationalists' attempt to regulate Shanghai, 1927-49 // The Journal of Asian Studies. 1995. Vol. 54. No. 1 (Feb.). P. 19-42.
50. Б. а. [Ефимов Б.]. Гэлинь цзянцзюнь цзи ци Болинь минью дэ синь фужэнь 戈林將軍及其柏林名優的新夫人 [Генерал Геринг и его новая супруга, берлинская знаменитость] // ШМ. 1936. № 26 (февраль). С. 5. Здесь и далее нумерация страниц журнала *Шидай маньхуа* приводится по нумерации отсканированных журналов в цифровой коллекции университета Колгейт. Colgate University Libraries digital collection. [Электронный ресурс]. URL: <http://diglib.colgate.edu/cdm/landingpage/collection/p15119coll6>
51. Б. а. [Ефимов Б.]. Сифа жэньжэнь хуэй бянь, гэ ю цяомяо бу тун 戲法人人會變, 各有巧妙不同 [Фокусники умеют производить превращения, каждый ловок по-своему] // ШМ. 1936. № 25 (январь). С. 9.
52. Б. а. [Ефимов Б.]. Хуэй ци минцзе цзе ци цайу 毀其名節劫其財務 [Погубил её имя, украл её богатства] // ШМ. 1936. № 26 (февраль). С. 5.
53. Б. а. Б. н. // ШМ. 1934. № 3 (март). С. 2.
54. Б. а. И ли баогао цзинго 依例報告經過 [Пример заслушивания доклада] // ШМ. 1934. № 6 (июнь). С. 5.
55. *Бай Чунь* 白纯. Цзяньлунь канчжань чжи цянй дэ синь шэнхо юньдун 简论抗战之前的新生活运动 [Краткий комментарий о движении «За новую жизнь» накануне китайско-японской войны] // Данши яньцзю юй цзяосюэ 党史研究与教学 [Изучение и преподавание партийной истории]. 2003. № 2 (171). С. 56-62.
56. *Ван Цзы-мэй* 汪子美. Цзиньдай шэньхуа 近代神話 [Легенды нового времени]. ШМ. 1936. № 31 (октябрь). С. 5-6.
57. *Ван Цзы-мэй*. Б.н. // ШМ. 1937. № 39 (июнь). С. 13.
58. *Ван Цзы-мэй*. Шиэр шэньсяо ту 十二生肖圖 [Двенадцать животных китайского Зодиака] // ШМ. 1936. № 33 (декабрь). С. 7.
59. *Люй Чжэнь* 履箴 [Ван Дуньцин 王敦慶]. Минъянь синьшоу чао 名言信手鈔 [Случайная подборка знаменитых цитат] // ШМ. 1936. № 33 (декабрь). С. 5.

60. *Се Юань* 謝員. Чулэй бацуй ту 出類拔萃圖 [На голову выше остальных] // ШМ. 1935. № 22 (октябрь). С. 18.
61. *У Чжэнь* 吳震, *Да Лэй* 大雷. Шицзе цзуй синь сянци пу 世界最新象棋譜 [Новейшая в мире инструкция по игре в шахматы-сянци] // ШМ. 1935. № 14 (февраль). С. 7.
62. *У-чан* 無常 [Непостоянный]. Во дэ цзагань 我的雜感 [Мои размышления] // ШМ. 1935. № 23 (ноябрь). С. 7.
63. *Хуа Цзюнь-у* 華君武. Б. н. // ШМ. 1934. № 10 (октябрь). С. 5.
64. *Хуан Бай-бо*. Цзо юй ю 左與右 [Левое и правое] // ШМ. 1937. № 36 (март). С. 6.
65. *Хуан Вэнь-нун*. Б. н. // ШМ. 1934. № 4 (апрель). С. 1.
66. *Цзян Ми* 江救. Цзай лай и гэ! 再來一個! [Ещё разок!] // ШМ. 1935. № 21 (сентябрь). 4-я сторона обложки.
67. *Чжан Жо-гу*. Маньхуацзя яньгуан чжун чжи Ливэйнофу 漫畫家眼光中之李維諾夫 [Литвинов глазами карикатуриста] // ШМ. 1935. № 16 (апрель). С. 3.
68. *Чэнь Хао-сюн* 陳浩雄. Совэй лянци сяньму чжэ ши е 所謂良妻賢母者是也 [Так называемая славная жена, добродетельная мать] // ШМ. 1936. № 26 (февраль). С. 6.
69. *Юй гун-гун* 愚公公 [Глупец]. Б. н. // ШМ. 1937. № 37 (апрель). С. 2.

*M.A. Guleva**

**Soviet diplomacy and Sino-Japanese conflict as shown
in magazines *Krokodil* and *Shidai Manhua* (1931–1937)**

ABSTRACT: The paper studies publications from Soviet and Chinese magazines, *Krokodil* and *Shidai Manhua*, concerning the Sino-Japanese conflict and Soviet reaction to it in 1930s. By comparing the way Chinese events were seen by the *Krokodil* to *Shidai Manhua*'s position towards Soviet diplomatic efforts one can evaluate not so much the peculiarities of the bilateral relations between the U.S.S.R. and the Republic of China prior to World War II, but rather the perception of such relations by a part of Chinese society. The example of materials considered in this paper shows that the Soviet politics, represented as peace-loving in Russia itself, was seen in China as being no less dangerous than that of the rest of the world powers.

KEYWORDS: *Krokodil*, *Shidai Manhua*, political satire, the Soviet Union, China, Japan, Manchuria, the League of Nations.

* Guleva Mariya Anatolyevna, PhD (History), senior teacher, department of International Relations, Institute of Humanities, St. Petersburg Polytechnic University; assistant professor, department of Theory of Social Development of Asian and African Countries, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; E-mail: mangul@mail.ru

Рисунок 1. *Харковский М.* На японском театре войны // Крокодил. 1931. № 31. С. 4

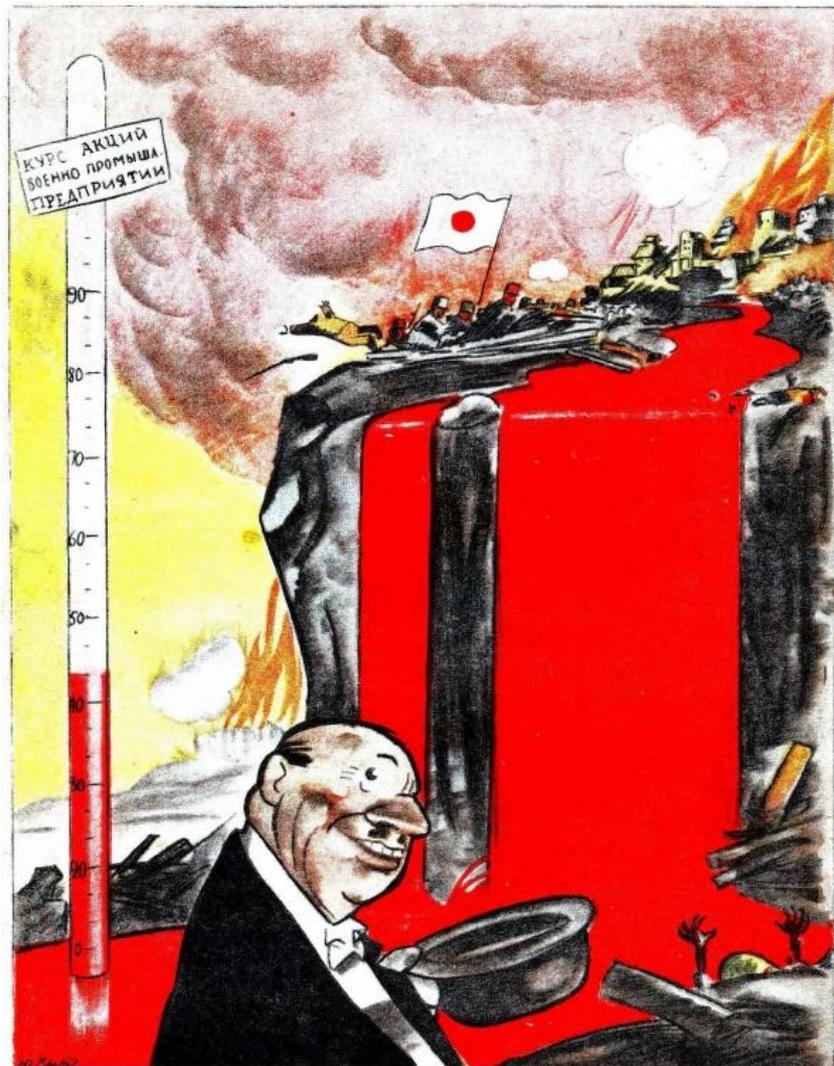

Рисунок 2. Ганф Ю. На Дальнем Востоке // Крокодил. 1932. № 7. С. 12

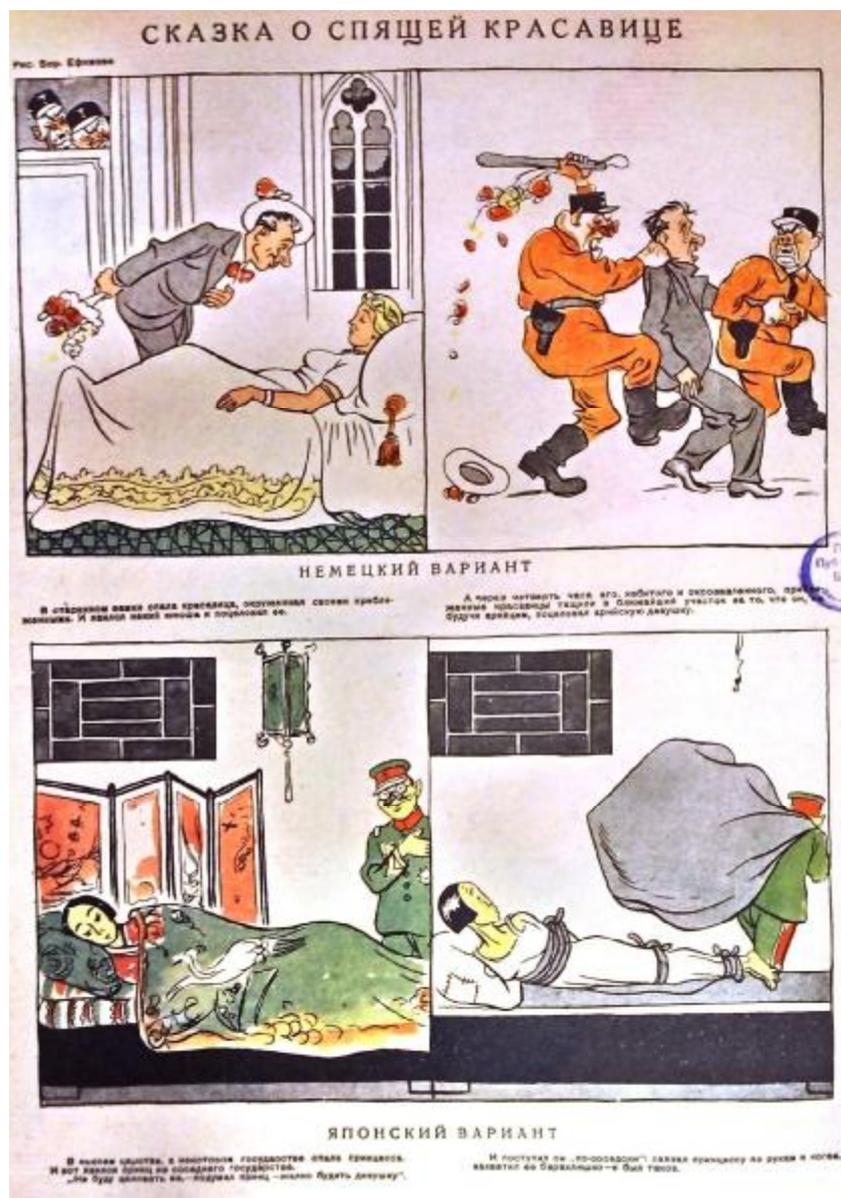

Рисунок 3. Ефимов Б. Сказка о спящей красавице. Немецкий вариант, японский вариант // Крокодил. 1935. № 35–36. С. 3

Рисунок 4. Чэнь Хао-сюн. Совэй лянци сяньму чжэ ши е [Так называемая славная жена, добродетельная мать] // ШМ. 1936. № 26 (февраль). С. 6

Рисунок 5. Хуан Вэнь-нун. Б. н. // ШМ. 1934. № 4 (апрель). С. 1.
 Подпись: Те, что в шаре — любовники, которые часто ссорятся. Тот,
 что управляет самолётом — шпионит. Тот, что запускает воздушного
 змея — ловит ветер

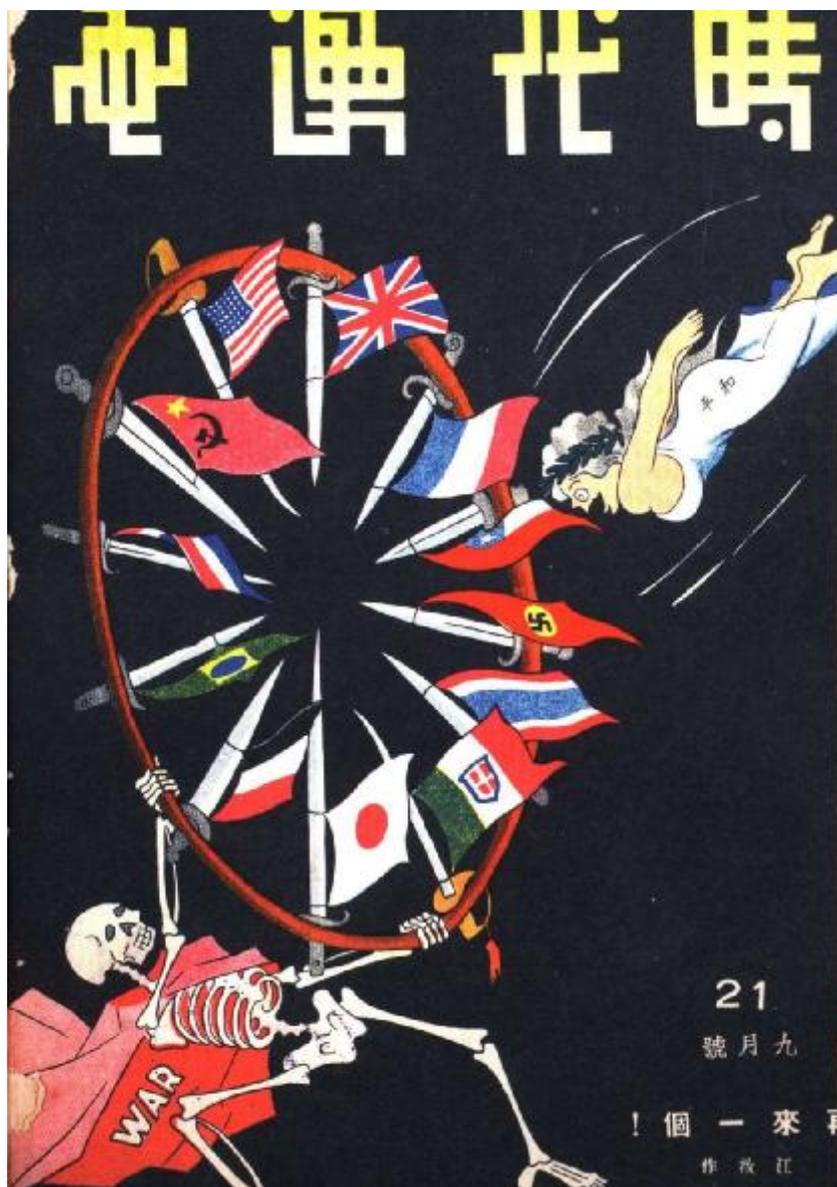

Рисунок 6. Цзян Ми. Цзай лай и гэ! [Ещё разок!] // ШИМ. 1935. № 21 (сентябрь). 4-я сторона обложки

Рисунок 7. Хуа Цзюнь-у. Б. н. // ШМ. 1934. № 10 (октябрь). С. 5.
Подпись: Лига Наций: Представляю вам советского джентльмена, у
него 160-миллионное имущество, мне не нужен этот китаец с его
400-миллионным имуществом!

Рисунок 8. Чжан Жо-гу. Маньхуацзя яньгуан чжун чжи Ливэй-
нофу [Литвинов глазами карикатуриста] // ШМ. 1935. № 16 (апрель)
С. 3 (фрагмент). Крестиками отмечены (слева направо): Литвинов,
Радек, Сталин

Рисунок 9. Ван Цзы-мэй. Цзиньдай шэньхуа [Легенды нового времени]²¹ // ШМ. 1936. № 31 (октябрь). С. 5 (фрагмент 1)

²¹ [Мифология современности] (Ред.).

Рисунок 10. Ван Цзы-мэй. Цзиньдай шэньхуа [Легенды нового времени] // ШМ. 1936. № 31 (октябрь). С. 6 (фрагмент 2)

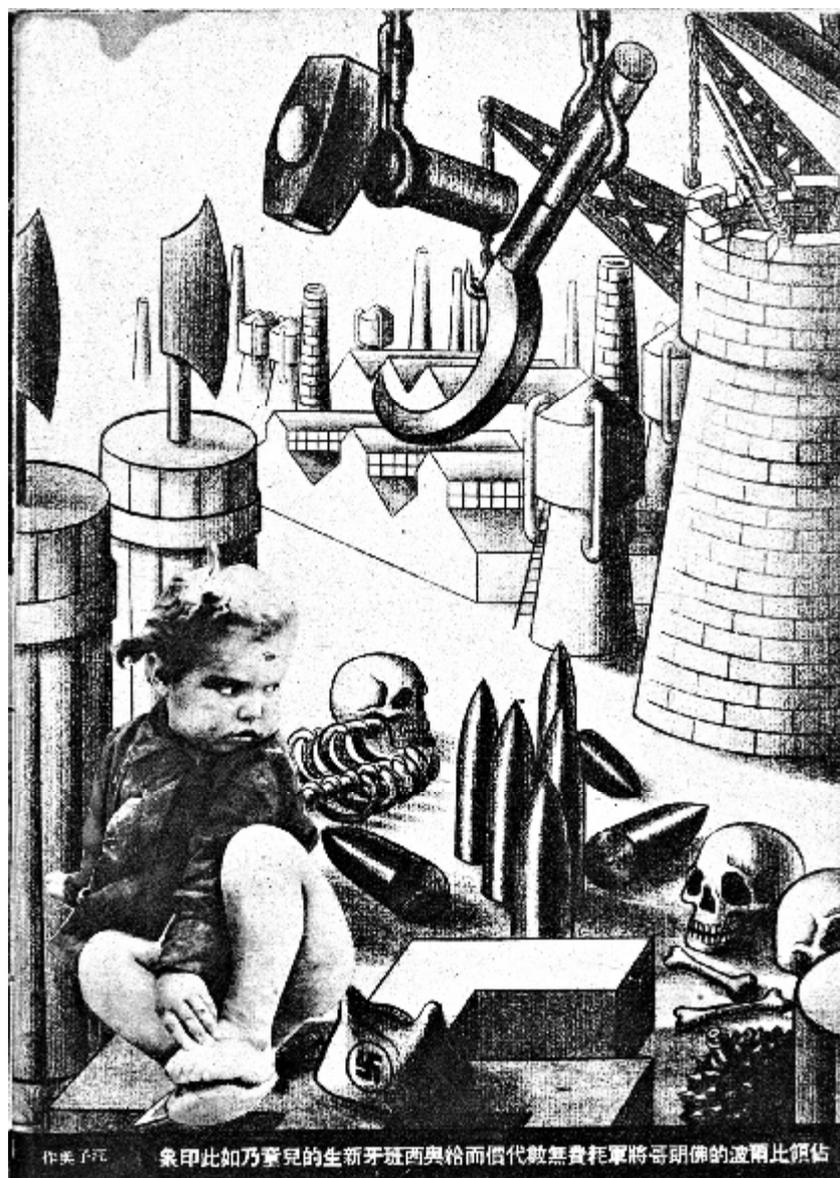
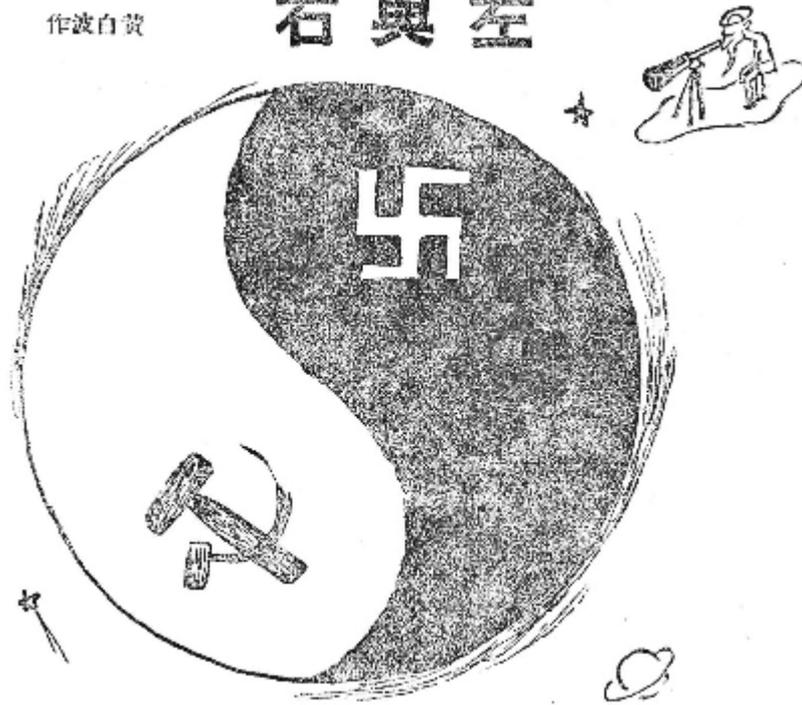

Рисунок 11. Ван Цзы-мэй. Б. н. // ШМ. 1937. № 39 (июнь). С. 13.
Подпись: занявший Бильбао генерал Франко заплатил высокую цену, и новорождённым испанским детям достаётся такое зрелище

作波白黃

右與左

現發新的狀現球地

Рисунок 12. Хуан Бай-бо. Цзо юй ю [Левое и правое] // ШМ. 1937. № 36 (март). С. 6 (фрагмент 1)

子孔，哉時哉時
！也者時之聖

Рисунок 13. Хуан Бай-бо. Цзо юй ю [Левое и правое] // ШМ. 1937. № 36 (март). С. 6 (фрагмент 2). Подпись: Своевременность! Своевременность! Мудрость Конфуция — в [понимании] своевременности